

Богословские труды. Юбилейный сборник Ленинградской Духовной Академии

---

*Протоиерей ВЛАДИМИР МУСТАФИН,
преподаватель Ленинградской Духовной Академии*

ФИЛОСОФСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ в С.-Петербургской Духовной Академии

Оценка значения философских дисциплин для богословского образования зависит от того или иного решения вопроса об отношении философии и богословия, а это решение, в свою очередь, зависит от того или иного ответа на принципиальный вопрос об отношении разума и веры. На этот последний вопрос имеются самые различные ответы: от абсолютного скептицизма, резко отрицающего значение разума для человеческой жизни, до абсолютного рационализма, относящегося к вере как к мнимому знанию, которое рано или поздно должно уступить место истинному знанию. Но уже в первые века христианства обе эти крайности, представляемые соответственно монтанизмом и гностицизмом, были отброшены, ибо они, в сущности, вопрос об отношении разума и веры не решают, а разрушают, зачеркивая одно из двух звеньев, из которых этот вопрос состоит. Оставшиеся точки зрения разбились на две противостоящие группы, каждая из которых, по мнению противников, склонялась или к монтанизму, или к гностицизму. Первые — ригористы — считали, что для христианской веры «языческие мудрования» в лучшем случае бесполезны, в большинстве же своем вредны. Вторые — христианские гностики — держались более широкого взгляда на разум и его отношение к вере. Св. Иустин Философ, например, считал, что языческая мудрость не только не противоречит христианскому вероучению, но, напротив, происходит из одного с ним источника и идет к одной и той же цели; разница же между ними в том, что языческая философия приводит к искомой цели окольным путем, христианское вероучение — прямо. Христиане не должны чуждаться языческой мудрости, ибо все истинное, что есть в суждениях язычников, принадлежит и христианам (2 Апол. 13). Языческие мудрецы, жившие согласно с правдой, «суть христиане, хотя бы считались за безбожников» (1 Апол. 46). Знание языческих мудрецов, однако, хотя и правильное, но не полное, ибо они не имели богооткровенной истины, почему они нередко противоречили друг другу (2 Апол. 10). Климент Александрийский также считал, что языческая мудрость доходила до познания некоторых лучей истины, возбуждала благородные религиозно-нравственные стремления, вообще оказывала доброе влияние на нравы по крайней мере лучших представителей языческого мира, служила в некотором роде заветом для них, вела ко Христу, хотя, конечно, не обеспечивала религиозного спасения, которое сделалось возможным только через искупление, совершенное Богочеловеком. Принципиальная оценка Климентом Александрийским значения языческой мудрости для христианского богооткровенного учения была трезвой и точной: эта мудрость сама по себе не делает вероучение Спасителя сильнее, но она делает бессильными софистические на него нападки и потому может быть названа «оплотом и ограждением винограднака Господня». Начиная со святоотеческого времени, этот взгляд с теми или иными оговорками можно считать преобладающим, хотя его противники находили себе последователей во все времена. Ригористы обычно апеллировали к Священному Писанию, которое предписывает верующему подчинять свой разум принятому учению Христа (2 Кор. 10, 5). При этом ригористы не принимали во внимание то чрезвычайно важное обстоятельство, что это положение Священного Писания указывает на норму, а не на способ устройства душевной жизни христианина. Как норма это предписание, конечно, обязательно для всех христиан, но способы его осуществления могут быть разными: одни принимают христианскую веру с самого начала

своей сознательной душевной жизни (в случае, например, религиозного воспитания в семье) и таким образом подчиняют свой разум вере без всяких затруднений; другие же приходят к вере в результате долгих и мучительных самостоятельных поисков правды и истины. Кроме того, принципиальное подчинение разума вере вовсе не означает прекращения теоретической деятельности разума. Действительно, коль скоро в христианском обществе есть иерархия, состоящая из людей, чьей обязанностью является руководить другими и, в частности, учить их, то ясно, что осуществить эту обязанность без теоретической работы разума совершенно невозможно.

Принципиальное допущение разума в религиозную жизнь позволяет уже сравнительно легко разрешить вопрос об отношении богословия и философии. Прежде всего следует обратить внимание на то, что строгой аналогии между отношением веры и разума и отношением богословия и философии нет. Богословие — это теоретически выраженная вера, поэтому богословие уже в определенном смысле есть философия. Следовательно, противопоставление богословия и философии может приниматься только как противопоставление различных философских, преимущественно метафизических, систем: системы, основанной на сумме богооткровенных истин, и систем, основанных на суждениях тех или иных мыслителей. Так оно всегда и было. В первые века христианства, например, святые отцы и учителя Церкви под философией разумели различные системы языческих, прежде всего греческих, авторов. Естественно, что все эти системы на фоне евангельского учения выглядели ушербными и потому неполноценными. И философские построения последних веков рассматриваются точно таким же способом и оцениваются так же, как и древние. Но разве не может быть собственно христианской философии, которая бы составляла с богословием в метафизическом аспекте одно и то же и потому принципиально богословию бы не противопоставляла? Не только может, но христианская философия, начиная со святоотеческой эпохи, всегда и существовала в христианстве. Другое дело, что эта философия в техническом отношении по разным причинам временами тормозилась в своем развитии, но сам факт ее существования несомненен. У христианской философии три основные цели: объяснять и рационально обосновывать важнейшие моменты христианского вероучения; определять христианскую оценку тех или иных проблем, непрерывно возникающих в человеческом обществе, и предлагать христианские способы их решения; теоретически излагать христианское мирозерцание ради научения ему других. И осуществление каждой из этих целей, особенно, конечно, последней, предопределяет широкое и глубокое внедрение философии в учебный процесс в Духовных школах.

Отсюда становится вполне понятным то важное значение, которое придавалось в С.-Петербургской Духовной Академии философским дисциплинам. Без них, по смыслу Устава Духовных Академий 1809 года, на основании которого были реформированы высшие духовные учебные заведения в России, без философского наполнения учебного процесса богословское образование, строго говоря, вообще не может состояться, ибо без этого оно неотвратимо выродится в сухое и безжизненное начетничество.

Философское осмысление учебного процесса явственно обнаруживается уже в тех рекомендациях, которые Устав Духовных Академий 1809 года предлагал по методике преподавания в Академии: «Добрая метода учения состоит в том, чтобы способствовать к раскрытию собственных сил и деятельности разума в воспитанниках; а по-сему пространные изъяснения, где профессора тщатся более показывать свой ум, нежели возбуждать ум слушателей, доброй методе противны». Предлагалось также, «чтобы авторы и учебные книги профессоров были в своем роде самые лучшие и чтобы они всегда держались на одной линии с последними открытиями и успехами в каждой науке». Относительно собственно философских дисциплин Устав следующим образом детализировал методику: «Философские науки могут быть преподаваемы, так же как и исторические, в двух разных отношениях. Первое, чтоб дать понятие воспитанникам о разных выражениях, определениях и словах, в философии употребляемых. Сие можно назвать философскою терминологиею и сие составляет первый степень философского учения. Сей степень собственно принадлежит к Семинариям. Второе отношение, в коем философские науки могут быть преподаваемы, состоит в том, чтобы изложением о каждом предмете мнений славнейших философов, сравнением их между собою, разрешением и приведением их к общему какому-либо началу дать воспитанникам понятие о истинном духе философии, приучить их самих к философским исследованиям и ознакомить их с лучшими методами таковых изысканий. Сей степень философского преподавания собственно принадлежит к Академии. А по сему профессор философских наук, пройдя кратко для возобновления в памяти студентов философскую терминологию, должен вести их потом прямо к самим источникам философских мнений и в них показывать им как первоначальные их основания, так и связь разных теорий между собою. В толпе разнообразных человеческих мнений есть нить,

коей профессор необходимо должен держаться. Сия нить есть истина евангельская. Он должен быть внутренне уверен, что ни он, ни ученики его никогда не узрят света высшей философии, единой истинной, если не будут его искать в учении христианском, что те только теории суть основательны и справедливы, кои укоренены, так сказать, в истине евангельской. Ибо истина одна, а заблуждения бесчисленны»¹. Особенно Устав предостерегал против того широко распространенного мнения, по которому «одно и то же предложение может быть справедливо в понятиях философских и ложно в понятиях христианских». Такое раздвоение истины есть сущая ложь и то «пустое обобщение», о котором писал апостол Павел в Послании к Колоссянам (2, 8).

В первые годы основными философскими дисциплинами в СПбДА были история философии и собственно философия, т. е. систематическое изложение положений, главным образом, по метафизической проблеме. По обеим этим дисциплинам преподаватели использовали труды и учебники приверженцев лейбнице-вольфгангской метафизики Бруккера и Винклера. Причем пятитомной «Историей философии» Бруккера преподаватели руководствовались сами, а краткое изложение этого труда служило учебником для студентов. Систематическая же философия преподавалась исключительно по Винклеру, кроме 1810—1814 годов, когда преподававший в то время Иоган фон Форн использовал учебник эклектика Карпе. К недостаткам учебника Винклера следует отнести прежде всего его устарелость, ибо системе Вольфа, излагавшейся в нем, было уже более ста лет. Кроме того, этот учебник содержал в себе слишком много бесполезных и трудных для усвоения тонкостей, особенно в той своей части, где излагалось учение Лейбница о монадах. Но были у этого учебника и положительные стороны: ясность и стройность изложения, а также универсальность содержания, позволявшая студентам приобрести сведения (правда, неравноценные из-за отмеченной их частичной устарелости) по всем важнейшим отраслям философского знания.

Преподаватели этого периода² не заняли заметного самостоятельного места в истории русской духовной философии³, но именно благодаря их талантливости и трудолюбию из студентов СПбДА вышли будущие наставники философских дисциплин в других Духовных Академиях России. Василий Кутневич, например, окончил СПбДА в 1814 г. и в том же году стал первым преподавателем философии в только что открытой Московской Духовной Академии. Его учеником был знаменитый впоследствии Ф. А. Голубинский. Иван Скворцов, выпускник 1817 г., стал первым наставником философии в Киевской Духовной Академии. Казанская Духовная Академия, открывшаяся позже всех — в 1842 г., получила преподавателей философии уже из Московской Духовной Академии, из учеников Ф. А. Голубинского. Таким образом, не будет преувеличением сделать вывод, что СПбДА в первые годы своего существования была истинным очагом русской духовной философии и благотворным фактором ее дальнейшего развития.

Первым преподавателем философии в СПбДА, обладавшим незаурядным философским талантом и самостоятельным подходом к философским проблемам, был Ф. Ф. Сидонский. Заняв кафедру в 1829 г., он стал руководствоваться не старыми учебными пособиями, а прежде всего своими учеными записками, которые явились результатом его основательного изучения философии, особенно германской, в студенческие годы. Вскоре он составил первое в России⁴ оригинальное «Введение в философию» (изданное в 1833 г.), в котором хотел «объяснить всю важность философии, ободрить в благонамеренности ее при ее истинной и должной постановке». К сожалению, он в 1833 г. ушел из Академии, куда вернулся лишь в 60-х гг. Тем не менее свой философский талант ему удалось раскрыть вполне, свидетельством чего явилось присуждение ему С.-Петербургским университетом степени доктора философии «гоно-рис-кауза».

Преемником Ф. Ф. Сидонского был В. Н. Карпов, преподававший различные философские дисциплины с 1833 по 1867 г. До 1843 г. он вел систематическую философию. В этот именно период он и написал свое известное «Введение в философию» (1840), в котором, в частности, указал как на наиболее характерную черту будущей национальной русской философии на гармоничное сочетание трех познавательных способностей человека: внешних чувств, разума и религиозной веры, чем опередил аналогичные высказывания А. Хомакова и И. Киреевского. В конце 40-х и начале 50-х гг. в преподавании систематической философии в СПбДА произошли существенные изменения. Эти изменения были обусловлены прежде всего тем, что общие курсы стали дополняться исследованиями по частным проблемам. Таким образом, наряду с систематической философией в 1851 г. в круг академических философских дисциплин были введены логика и опытная психология⁵. Еще раньше введена была нравственная философия, но просуществовала только до 1853 г., когда признана была излишней, ввиду обширного и подробного изложения правил нравственности в деятельном (т. е. нрав-

ственном) богословии. В. Н. Карпов со временем стал специализироваться именно по логике и психологии. По логике он даже напечатал в 1856 г. самостоятельный курс. Кроме того, с 1844 по 1865 г. он вел историю философии.

После десятилетнего (в 1843—1853 гг.) преподавания систематической философии А. А. Фишером кафедру эту занял И. А. Чистович. До 1859 г. он вел и этот предмет, и психологию, с 1859 г.—психологию и историю философии, с 1865 по 1873 г.—одну только историю философии. Этот преподаватель известен еще как историограф СПбДА: он написал две книги по ее истории, которые в общей сложности охватывают период до 1888 г. С 1868 по 1884 г. логику и психологию вел А. Е. Светилин. Составленный этим преподавателем учебник логики выдержал несколько изданий и был долгие годы хорошим пособием для студентов.

В 1869 г. состоялось преобразование духовно-учебных заведений России, в том числе и Академий, на основании нового Устава. Реформа эта отразилась и на философских дисциплинах. В частности, были введены два новых предмета — метафизика и педагогика. Преподавание последней было соединено в одной кафедре с преподаванием нравственного богословия; вести обе эти дисциплины взялся протонерей И. Л. Янышев, бывший тогда ректором Академии. Введением педагогики и метафизики закончился шестидесятилетний процесс дифференциации систематической философии, которая таким образом разрешилась в четыре предмета: логику, психологию, педагогику и метафизику. Тем самым количество собственно философских дисциплин в СПбДА, считая и историю философии, было доведено до пяти⁶. Первым преподавателем метафизики стал М. И. Каринский и вел ее до 1876 г., когда ограничился преподаванием лишь истории философии вплоть до выхода из Академии в 1894 г. Это был не только, бесспорно, самый выдающийся по таланту и эрудиции преподаватель философии в СПбДА за все время ее существования, но и вообще первоклассный русский философ. Все его письменные труды носят характер необыкновенной глубины и основательности. Но даже среди них выделяются два по своей философской значимости: «Классификация выводов» (1880) и «Об истинах самоочевидных» (1893). Первая работа единодушно всегда признавалась единственным русским вполне оригинальным и весьма значительным трудом по логике, в котором автор, указав на недостатки классификаций выводов, пытающихся основываться или на одной только дедукции, или на одной лишь индукции, предлагает свою собственную классификацию, основанную на тождестве элементов посылок и выводов в умозаключении; таким образом, логическим оправданием всякого вывода может быть только принцип тождества⁷. Во второй работе автор взялся за разрешение чисто гносеологической задачи — за выяснение природы самоочевидных истин, лежащих в основании всего нашего знания и служащих его необходимыми предпосылками, предварительно подвергая критической оценке уже имевшиеся ответы на этот вопрос, прежде всего ответ рационалистический, образец которого, по мнению автора, представил Кант в своей «Критике чистого разума».

На освободившуюся в 1876 г. кафедру метафизики был назначен М. И. Смоленский, для получения права преподавать защитивший диссертацию «Механическое объяснение природы и телеологическое ее истолкование». Но в самом начале 1881 г. он скончался, и кафедра в течение почти полутора лет была вакантной. В 1882 г. ее занял Н. Г. Дебольский, правда, ненадолго — до 1887 г.

В 1884 г. состоялась еще одна реформа духовно-учебных заведений, в связи с которой произошли некоторые перемены в преподавании философских дисциплин. По новому Уставу, педагогика была отделена от кафедры нравственного богословия и присоединена к кафедре пастырского богословия и гомилетики. На эту кафедру полагалось два преподавателя. Один из них, С. А. Соллертинский, и преподавал педагогику, параллельно ведя пастырское богословие. Кроме того, по Уставу 1884 г., СПбДА, как и другим Духовным Академиям, было предоставлено право введения в цикл философских дисциплин еще двух предметов — философии права и философии этики⁸. Право это, однако, не было реализовано в том смысле, что эти две новые философские дисциплины так и не появились в Академии в качестве программных предметов, но с середины 80-х гг. регулярно велись по ним лекции преподавателей философских наук и каждый без исключения год писались по ним кандидатские диссертации⁹. Лекции эти велись преподавателями в созданном в те же годы специальным студенческом обществе по изучению вопросов психологии и философии. По примеру СПбДА аналогичное студенческое общество было позднее основано и в Московской Духовной Академии.

Последними преподавателями философских дисциплин в СПбДА в описываемый период, т. е. в первые сто лет ее существования, были: А. П. Высокоостровский (с 1887 г. вел логику и метафизику); В. С. Серебrenников (с того же года вел психологию);

Д. П. Миртов (с 1894 г. вел историю философии); прот. С. А. Соллертинский (вел педагогику).

В заключение надо сказать несколько слов об основном богословии, или, как его называли в СПбДА, введении в круг богословских наук. Строго говоря, это не философская дисциплина. Но во все времена своего существования основное богословие всегда оценивалось именно как наиболее близко находящееся к философии, как самое «философичное». История возникновения этой дисциплины такова. В 1844 г. обер-прокурор Св. Синода Н. А. Протасов предложил СПбДА рассмотреть проект новой дисциплины — введения в богословие¹⁰. В 1845 г. Синод решил сделать двухгодичный опыт преподавания этого предмета в С.-Петербургской и Киевской Духовных Академиях. Опыт оказался удачным, и предмет ввели в учебную программу. Епископ Макарий (Булгаков), ректор СПбДА составил к предмету пособие под названием «Введение в православное богословие». Сам же составитель пособия и преподавал первое время этот предмет. В 1853—1854 учебном году дисциплина эта была причислена к кругу предметов философских. С этого года преподавал ее иеромонах Никанор (Бровкович), но недолго. Сменил его И. А. Вознесенский, но также вскоре ушел. Совсем немного, всего несколько месяцев, пробыл на кафедре иеромонах Диодор (Ильдомский). Два года, с 1857 по 1859, преподавал введение в богословие А. И. Парвов. Сменивший его Ф. С. Надеждин преподавал этот предмет семь лет — с 1859 по 1866 г. Однако все эти годы положение введения в богословие оставалось неустойчивым: не ясны были его цели, не четко определен состав тем. В 1866 г. ректор СПбДА епископ Иоанн (Соколов) предложил правлению Академии даже и вовсе лишить введение в богословие статуса самостоятельной дисциплины и соединить его с догматическим богословием¹¹. Предложение это, однако, не было осуществлено по той, может быть, причине, что в этом же году Преосвященный Иоанн ушел из Академии. В 1867 г. на кафедру введения в богословие перешел архимандрит Хрисанф (Ретивцев), которую занимал, правда, недолго — всего два года, но этот преподаватель уже гораздо яснее представлял себе смысл своего предмета, выражавшийся для него в понятии «философия религии». В 70-х гг. он напечатал свое капитальное сочинение «История религий в отношении к христианству». С 1869 по 1882 г. на кафедре введения в богословие находился Н. П. Рождественский. Этот талантливый преподаватель окончательно придал введению в богословие тот характер, который после него уже принципиально не менялся — характер богословия, сознательно оперирующего не специальными терминами, а общепонятным литературным языком и подводящего таким образом к усвоению более сложных, собственно богословских наук. После смерти Н. П. Рождественского в 1882 г. кафедру занял на два года его однофамилец — В. Г. Рождественский. Затем в 1884—1890 гг. преподавал эту дисциплину иеромонах Михаил (Грибановский). И, наконец, с 1890 по 1910 г. курс введения в богословие читал Е. П. Аквилонов, впоследствии протоиерей, а затем и протопресвитер военного и морского духовенства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чистович Иларион. История С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1857, с. 187—188, 192—193.

² Таковыми были: иеромонах Евгений (Казанцев) (1809—1810), Игнатий Фесслер (1810), Иоган фон Хорн (1810—1814), И. Я. Ветринский (1814—1826), Т. Ф. Никольский, И. М. Певницкий, А. Красносельский (1826—1829), Д. С. Вершинский (1830—1835).

³ То есть философия, развивавшейся в Духовных Академиях России. Термин противопоставляется так называемой светской философии, то есть философии, развивавшейся в университетах России. (Срав.: Введенский А. Философские очерки. СПб., 1901, с. 9).

⁴ В 1805 г. в Москве, правда, было издано «Введение в философию» Евгения Булгара, но этот труд не был оригинальным, он переведен с книги Гравезанда, также изданной в Москве в том же, 1805 г. (Радлов Э. Очерк истории русской философии. Пг., 1920, с. 49).

⁵ То есть научная психология. Прежняя психология, метафизическая, входила составной частью в курс систематической философии.

⁶ Но возможно, что их было в это время даже шесть. И. Чистович упоминает об антропологии, которую в 1871 г., например, поручено было вести Ф. Ф. Гусеву (Чистович И. А. С.-Петербургская Духовная Академия за последние 30 лет (1858—1888 гг.). СПб., 1889, с. 135), но нигде более об антропологии не упоминается.

⁷ См., например, статью Э. Радлова в «Русском обозрении», 1890, сентябрь.

⁸ Не совсем понятно, что означает «философия этики». Ясно одно, что предметом

этой дисциплины не могли быть нормы нравственности по существу: этим занималось нравственное богословие. Тогда что же? Может быть, проблема обоснования норм нравственности, то есть то, чем сейчас занимается аксиология?

⁹ *Высокоостровский А. О праве Духовных Академий присуждать ученые степени по философским наукам.— Христианское чтение, 1906, 1, с. 752.*

¹⁰ Судя по тому, какие основания предлагались для введения этой дисциплины, инициаторы довольно смутно представляли ее цели: «а) тогда будет видно, какие науки и как входят в отношение к главному предмету — «учению богословскому»; б) каждый преподаватель будет измерять разные отрасли богословской науки не по мере их занимательности, а по значению каждой из них в общей системе богословского знания; в) также наставники не будут вдаваться один в область другого», (*Соллертинский С. А. проф. прот. Опыт исторической записки о состоянии С.-Петербургской Духовной Академии. СПб., 1910, с. 69—70.*)

¹¹ Аргументы были следующие: «1) введение в богословие в виде особой науки составлено и внесено в академический курс только в недавнее время, без особенных уважительных причин, и только по тому исключительному обстоятельству, что напечатана в этом виде особая книга, и притом не по особому какому-либо распоряжению высшего начальства, а по личной инициативе самого автора книги; ... 2) и в научном отношении не представляется никаких важных оснований и побуждений к тому, чтобы из предварительных понятий, относящихся к богословию, составлять отдельную науку, так как и состав ее не имеет ничего самостоятельного и цели в ней не видится непосредственной, в ней самой заключающейся, вне связи с догматическим богословием, и нет причины, почему бы трактаты о религии, Откровении Божественном, о Церкви, не могли входить прямо в полный состав догматики, тогда как характер этих трактатов чисто догматический; 3) преподаваемое в младшем курсе, это «введение» не имеет никакой связи с прочими науками этого курса и, стоя одиноко, в виде какого-то отрывка от богословия, не только не привлекает к себе надлежащего внимания студентов, но среди других наук, собственно философских, главных на младшем курсе, теряет еще более свою важность» (*Чистович И. А. С.-Петербургская Духовная Академия за последние 30 лет, с. 32—33.*)